

Криничная Н.А.

ПРОРИЦАНИЯ ВОДЫ/ВОДНЫХ БОЖЕСТВ В СЕВЕРНОРУССКОЙ МИФО-РИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. На материале севернорусских мифологических рассказов и мантических обрядов выявляется семантика мотива предопределения/предсказания человеческой судьбы. Такое прорицание исходит от самой воды либо водных божеств, которые предвещают будущее посредством акустических, вербальных, визуальных и акциональных знаков-символов. Развитие коллизии в рассматриваемых нарративах соотносится с древними представлениями о причинной обусловленности важнейших поворотов в человеческой жизни. Причем сама эта обусловленность мифологизируется и персонафицируется.

Ключевые слова: мифологический рассказ, мантический обряд, вода, водное божество, прорицание, предопределение, судьба, неотвратимость, детерминизм.

В севернорусской мифологической прозе выделяется цикл быличек, бывальщин и поверий, повествующих о неких загадочных персонажах, которые появляются из воды, чтобы предсказать будущее отдельному индивиду либо всему социуму, а скорее всего, и предопределить его. Это мистическое действие свершается «вдруг» – внезапно и неожиданно, независимо от воли и желания человека. Более того, оно не санкционировано ни ритуалом, ни этикетом. Явление мифического существа столь же неотвратимо, как и само свершение рока, предопределения, судьбы.

Среди водяных существ, исполняющих роль мифических прорицателей, заметно преобладают женские персонажи: *хозяйка воды, водяница, русалка, девушка, девка, дева, женщина, «вроде как женщина», «женщина-водяник», «человек, как женщина»* и др. Лишь в редких случаях говорится, что это *водяной*, а подчас и *донный*, т. е. обитающий на дне озера/моря. В некоторых быличках – водяное существо («будто человек») не поддается определению по половой принадлежности: подобный персонаж не то среднего, не то мужского либо не то женского пола. Об этом свидетельствуют глаголы прошедшего времени, характеризующие действия или состояния. Так, в одном и том же тексте к одному и тому же персонажу относятся глаголы *пало* – *показался* либо *сидел* – *сидела* и пр. Однако интересующие нас мифические существа в отдельных вариантах имеют и зооморфный облик. Они могут, к примеру, показаться в виде зверя (выдра), птицы (утка), рыбы (семга) и др. Причем зооморфный аналог остается эквивалентным антропоморфизированному водяному существу: «Кто как ее называет, одни *выдрой*, другие *русалкой* (курсив наш. – Н.К.)»¹. Впрочем, не исключены случаи, когда судьбоносный персонаж имеет вид деревянного предмета, плывущего по течению, «будто столова доска»². Или: «Вересина плывет по середине, под мост. Вдруг засмеется, захохочет»³. Замена женского персонажа мужским, нередко имеющая место, не привносит в рассматриваемую коллизию сколько-нибудь существенных изменений.

По другой версии, очевидец мистерии замечает водяное существо, когда оно уже сидит на камне/на большом камне. Такой камень расположен *посреди* озера/реки. Хотя указание на подобную локализацию встречается в мифологических рассказах довольно редко, тем не менее народными верованиями оно наиболее обосновано. В силу этих воззрений центральный локус считается сакральным, поскольку именно здесь смыкаются – размыкаются миры. Не случайно в центре обычно расположено и мировое древо.

Справедливости ради надо сказать, что во многих мифологических рассказах камень, на который усаживается, выйдя из воды, мифическая прорицательница, находится на берегу реки/озера, причем не просто на берегу, а на *дальнем* берегу, что привносит в осмысление этого локуса признаки запредельности (ср. с блоковскими стихами «Я вижу *берег* очарованный и очарованную *даль*»), а в трактовку образа самой прорицательницы – черты берегини, столь почитаемой в Древней Руси в качестве божества наподобие русалки. Однако и расположенный на берегу камень воспринимается как находящийся в центре мироздания. Мифическую прорицательницу можно увидеть в сакральные моменты суточного и годового циклов. Она показывается утром или вечером, перед восходом или заходом солнца. Ее появление наблюдают не только летом, но и зимой, когда она выходит из проруби («пролубы»).

Облик мифической прорицательницы, в основном, антропоморфизирован. Преобладает образ водяной девы/русалки с необычайно длинными распущенными по плечам волосами, ниспадающими до пояса, до «жопы», до колен, до пят, до самой воды и вообще как бы не имеющими конца. Свои волосы она усердно расчесывает. Этот мотив в мифологических рассказах, пожалуй, наиболее устойчив. Имея магическое назначение, подобное действие эквивалентно прядению. Только в данном случае манипуляции происходят не с шерстью, а с волосами: и те и другие в народных верованиях взаимозаменяемы, поскольку они функционально тождественны. Посредством такого действия прядется нить жизни, творится человеческая судьба⁴. Она свершается с неизбежностью рока.

Манипуляции с волосами могут сопровождаться взглядом, имеющим магическое воздействие. Водяная дева завораживает человека своим взглядом, поглощая его (ср. с гоголевским определением глаз русалки «очи выманивают душу», приведенным в «Страшной мести», гл. 13). Индивид испытывает амбивалентные чувства – страха и влечения к водяной деве: «Эта русалка как посмотрит на кого, как застывши человек стал, так и будет стоять, долго может так, да»⁵. Глаза – это средоточие души мифического существа, которое, по сути, из одной только души и состоит. В данной связи интерес представляет наблюдение Н. Коробка: даром предсказания наделяются существа, которые имеют корни в культуре душ⁶. Заметим, однако, что в нашем случае мифическая водяная дева не только предсказывает, но и предопределяет судьбу индивида.

Расчесывание волос нередко сопровождается магическим приговором, которым и предвещается, и предопределяется в заданном словами направлении дальнейшее течение бытия. В рассматриваемом цикле наиболее устойчив и распространен сюжет, основанный на семантической формуле «Год от году хуже...»⁷. В процессе повествования эта формула может удваиваться и утраиваться, незначительно варьируясь: «Год году хуже», «Чем год, тем хуже». Заметим, что в мифологических представлениях год осмысливается как некая универсальная модель времени, имеющая потенции к регулярному (циклическому) обновлению и определенному варьированию. Предполагается, что в данном случае положение дел в мироздании ухудшается по нарастающей. Кульминацию такого ухудшения, которое дает о себе знать определенными и неопределенными бедствиями, представляет собой, по мнению носителей традиции, текущий

год, в котором, однако, будущее неотделимо от прошлого и настоящего: «Сегодня год хуже прошлогоднего», «А этот год хуже всех», «А этот год всех кукнут» и пр. Формулу судьбы водяная дева приговаривает, причитывает, поет, чем усиливается ее магическое воздействие на индивида, социум, мироздание. Водяник же, оказавшись в аналогичной роли, распускает волосы до самой воды и воет, не произнося слов, что равноценно невербализированным причитаниям: «Ву-у-у! Ву-у-у!». По другим вариантам: «голосом плачет», «всяким разным голосам плачуть». Оплakивается таким образом тот, кому предвещается смерть. Подобная коллизия «манифестируется как проекция погребального обряда из будущего, в котором он должен состояться, на настоящее, в котором принимается данный сигнал-послание»⁸. (Заметим, однако, что в рассматриваемой ситуации соответствующую фоносферу создают не только божества воды, но и леса: «Перед германской войной, говорит. Как, говорит, плакали они (лесовики). Гулом эти шли голоса, большие голоса, маленькие голоса перед германской войной. Так по ущелью шли эти голоса гулом таким, гулом таким, вечером. Как, ляй, на войну провожают. И, говорит, сразу тут и германская война стала, показалась»⁹. Причем в другой бывальщине это событие легко перемещается из будущего в настоящее, где леший, вместе с людьми провожая мужиков на войну, плакал и все кричал: “Я помогу вам, помогу, помогу!”¹⁰).

И даже само по себе появление водяного мифического существа служит предвестием перемены. Причем в дошедших до нас быличках и бывальщинах это преимущественно знак смерти или, по крайней мере, перемены к худшему: «Она не перед добром показала»; «Вот перед тем, если худо, вот и кажитце»; «Это, – говорим, – к нехорошему»; «Увидеть русалку – дурной знак для рыбака»; «Если покажется, дак он уж перед чем-нить покажется». Причем возраст ожидаемого утопленника зависит от возраста появившегося водяника: «Старого видели – значит, старый и потонет, а если молодого увидят – значит, молодой утонет»¹¹. В подобном соотношении обнаруживаются элементы представлений о появлении перед смертью человека его двойника. И если даже человек не утонет, то все равно умрет на воде или у самой воды. Произнесение магических слов, а подчас и манипуляции с волосами сыграют свою роковую роль. Вместе с тем появление водяницы/русалки/водяного либо некоей неопознанной мифической силы в том или ином местном озере, о котором никто, кроме жителей близлежащих деревень, и не слышал, может в глазах носителей традиции быть знаменем глобального масштаба: «Черт его знает, перед чем, может, перед войной он (водяной) показался. Перед войной, наверное»¹². Предсказание, как правило, сбывается: «Егор пошел ... До той, до старой войны. Война была русская, германская. Вот пошел утром по берегу. Вот сидит [некто] на камню да голову чешет. Волосы длинные. Он (Егор) остановился, папиросу вертит, остановился. Глядит, вперед идти или назад. Глядит – а он бух в воду с камня. Он (Егор) подумал: “Что-то будет. Раз выстал – что-то будет”¹³. Того году война началась»¹³. Предсказываются и другие события. Так, в некоторых вариантах прорицание «Год от году хуже ...», сопровождаемое расчесыванием волос, оказалось предзнаменованием произошедшей вскоре революции¹⁴ либо связанной с началом войны эвакуации¹⁵. Впрочем, прогнозы мифического существа подчас изображаются едва ли не как дело повседневной обыденности: «Водяной каждую ночь ходил к мужику и говорил, какая будет погода, хорош ли урожай будет и пр. и пр.»¹⁶.

Подобные прорицатели, и особенно в своей женской ипостаси, сродни таким судьбоносным мифическим существам как вилы, нимфы, норны, валькирии, никсы, банши, духи переправы, загадочные прачки и прочие связанные с водой персонажи. Это божества потоков, источников, ключей. Они находились в водах с начала мира: «<...> были сотворены жи-

вым током воды, ее магией, источаемой ею силой, ее журчанием»¹⁷. Такие прорицательницы еще долго представлялись в облике водоплавающей птицы. Например, в одной из севернорусских бывальщин судьбоносное существо «голову поднимет, как утка, и говорит: “Судьба есть, головы нет”. И нырнет. Опять: “Судьба есть, головы нет”. Не во сне, а наяву»¹⁸. Эти существа едва дифференцировались от стихии, которой принадлежат. Наделенные всеми силами воды, они, будучи персонифицированными, стали принимать участие в жизни людей¹⁹. В скандинавской мифологии, например, это три норны – «мудрые девы». Они возникли из источника/ключа. Урд, т. е. из «источника судьбы», над которым вечно зеленеет ясень Иггдрасиль – мировое древо и вместе с тем древо судьбы. Омытый его влагой, Иггдрасиль и сам источает росы на долины (Старшая Эдда. Прорицание вельвы. 19–20). В этих норнах узнаваемы женские божества, определяющие судьбу людей при рождении: «Ночь была в доме, / норны явились / судьбу предрекать / властителю юному; / судили, что он / будет прославлен, / лучшим из конунгов / прозван будет. / Так нить судьбы / пряли усердно, / что содрогались / в Бралюнде стены...» (Старшая Эдда: Первая песнь о Хельги... 2–3). Этимология имен этих возникших из воды персонажей говорит сама за себя. Имя первой – Урд указывает на судьбу и смерть, имя второй – Верданди связано со становлением в настоящем времени, тогда как имя третьей – Скульд означает «будущее», «необходимость», «долженствующее»²⁰. Аналогами им в германской мифологии служат никсы (Nixe). Выходя из вод, эти женские существа являются к роженицам, помогают в родах и предвещают будущее младенцу. Известна их связь с прядением и полотном как атрибутами сотворения человеческой судьбы.

Можно предположить, что водное происхождение некогда имели и мойры – древнегреческие богини судьбы:

«После претерпит он (Ахиллес) всё, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью».

Гомер. Илиада. XX. 127–128.

«Мойры – это темная невидимая сила, она не имеет отчетливого антропоморфного облика. <...> Архаические мойры – дочери ночи», – пишет А.Ф. Лосев²¹. Ночь же ассоциируется с темнотой, «а темнота – неотъемлемая часть Бездны, творческого начала, породившего все живое во Вселенной»²². Бездна же, как известно, сопоставима с первозданными мировыми водами: «<...> и *тьма* над *бездной*, и Дух Божий носился над *водою* (курсив наш. – Н.К.)» (Быт. 1. 2). Даром пророчества в гомеровском эпосе обладает и Протей – морское божество, «морской пронизательный старец», у которого можно узнать свою судьбу:

«Если б какое ты (Менелай. – Н.К.) средство нашел овладеть им внезапно,
запно,

Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль

Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?

Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,

Что у тебя и худого и доброго дома случилось

С тех пор, как странствуешь ты по морям неприютно-пустынным».

Гомер. Одиссея. IV. 388–393.

Как отмечает Н.А. Ганина, «тема или схема встречи с мифическим водяным существом, прорицающим судьбу героя и / или определенным образом влияющим на нее, имеет весьма широкое распространение»²³ в различных этнокультурных традициях. Сбывается прорицание как проявление сверхъестественной предопределенности и в севернорусских быличках и бывальщинах. Несчастье случается подчас уже наутро следующего дня, в тот же или на другой день. Впрочем, в некоторых вариантах срок исполнения предвестия выражен не совсем определенно: «А где-то

через день ли, на второй ли день»; «День прошел или два». Иной раз пророчество сбывается в течение года, но может быть отнесено и к весьма отдаленному времени: «через много лет». Хроникальные рамки данного сюжета нередко расширяются на довольно протяженный знаковый период – например, «перед войной». Причем предсказание сбывается в том самом месте либо неподалеку от того места, где показывается таинственная водяная дева, влияя на человеческую жизнь и судьбу.

В жизни объекта прорицания, будь это индивид (сам рассказчик, родственник или односельчанин) либо определенный социум, происходит роковая перемена. Несчастье может произойти и с теми, кто мифическое водяное существо видел, и с теми, кто его сам не видел. Глубинной первопричиной приключившегося бедствия служат рок, предопределение, судьба, исходящие от мифического водяного существа. Каждое из этих бедствий может истолковываться как случай, но случай и есть проявление судьбы, известной своей неотвратимостью. Подобное представление о судьбе как стечении обстоятельств, не зависящих от воли человека, как о внешней необходимости, отличается от христианского учения о Божественном промысле, в котором имеют место и свободная воля индивида, и судьба: «Для первобытного сознания характерно восприятие судьбы как *сверхъестественной* предопределенности, неизбежности, носящей всеобщий (Божественный) характер, определяющей как бытие природного мира, так и жизнь общины»²⁴. Причем в нашем контексте *Бог* может значить «часть, доля, счастье», а уж затем – «божество». Точнее, *Бог* этимологически – «податель доли». В качестве части некоего целого доля отождествляется с участью, судьбой как решением Суда (ср. с сербской сказкой, где Усуд находится под властью необходимости)²⁵. По утверждению С.С. Аверинцева, «судьба для человека первобытной эпохи тождественна другим формам детерминации, не отличаясь от естественной каузальности и воли духов». В этом понятии-мифологеме выражена «идея детерминации как несвободы»²⁶. Концентрированным выражением подобных представлений служат поговорки: «Судьба руки свяжет», «От судьбы не уйдешь», «Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно» и др.²⁷. Вера в судьбу обусловлена неотделенностью индивидуальной сущности человека от коллективного (родового) бытия и природы²⁸. Причем неотделенность от природы в данном случае имеет для нас решающее значение. Жизненный путь, предначертанный человеку свыше, сводится, по словам С.М. Толстой, к главным моментам жизни, включая время и обстоятельства смерти²⁹.

В рассматриваемых нами мифологических рассказах предопределенность человеческой судьбы отождествляется чаще всего именно со смертью: «Но ведь есь люди, которые *по судьбе* (курсив наш. – *Н.К.*) должны туда идти»³⁰. Или: «Ну, сели они в лодку и поплыли. И потонули оба, а ребеночек маленький остался. Она, девочка-то, выплыла, *не роковая* (курсив наш. – *Н.К.*) была. А Вася-то сильный мужик был, хорошо плавал, все равно потонул»³¹. С другой стороны, сверхъестественные распорядители судьбы имеют право в роковой, принадлежащий только им, час забрать *рокового* же человека к себе: «Наше, – говорит, – право будет». Отсутствие в урочный час утопленников интерпретируется как нарушение круговорота, на котором основываются законы мироздания. В его непреложном течении возникает сбой: «Судьба есть, а головы нет». И притом «ой, долго суженого нет!», «ох так долго нету!». Иначе говоря, приговор, установление, предопределение, исходящие от божества и санкционированные судом³², уже произнесены. Но в данном случае это решение все еще не исполнено. Причем характерно, что слово *суд*, от которого происходит лексема *судьба*, заключает в себе несколько понятий, в том числе и связанных с водой: «приговор», «договор, связь, объединение», «сосуд», «пролив, брод», «место, которое можно переплыть»³³. Иная вер-

сия определяется формулой: «Час тот, да рокового нету!». Если в слове *fatum* судьба представляется чем-то сказанным, решенным, то в слове *рок* она связана со временем, сроком (ср. «без року смерти не будет», «ἀἴς δὲ ἐὸ ἰ ἂ οἱ δᾶσ ὕ», ὁ.ἂ. ἀἴσαδᾶι αἰ ἰ ἱ, ἀἴς ἦδὲ ἐὸ)³⁴. И перечень подобных поговорок может быть продолжен: «Рока не минуешь», «Никто от своего рока не уйдет», «Рок головы ищет» и т.д.³⁵

Случившийся же сбой в исполнении универсального закона бытия требует безотлагательного устранения. И человек в предназначенный для него час («своим-то временем») тонет: «Значит, судьба была, а головы не было. И взял». Предопределено даже количество людей, которым суждено в течение некоего периода утонуть: «Возьму я себе двенадцать голов, а ты будешь последний»³⁶. И даже если индивиду удастся каким-то чудом выкарабкаться из воды, он будет с тех самых пор непрестанно болеть и недолго проживет на белом свете. По иной версии, смерть настигает человека не в воде, а на воде (например, в лодке, карбасе), однако и в данном случае подобная гибель подчинена обозначенной закономерности. Ситуация рока распространяется и на домашний скот, от которого зависело благополучие крестьянина: «<...> да в это место, где старушка видела, это место-то видела, лошадь только вскочила в воду, плыла и потонула. <...> И сразу лошадь погибла, пятигодовая кобыла»³⁷.

Наряду с роком/судьбой/часом, которые есть, тогда как головы/тела/человека нет, в данной семантической формуле может присутствовать и *плеск*, приравненный к судьбе: «Плеск есть, а головы нет»³⁸. С плеском связаны представления «о шуме падающей или ударяющейся обо что-либо воды»³⁹. Иначе говоря, плеск – это проявление некоего движения, без которого невозможно творение. Данный динамический и акустический образ соотносится с действием, определяемым глаголом *плескати*, что значит «хлопать в ладоши, всплескивать руками». Это действие служит отголоском языческих обрядов⁴⁰. Оно является излюбленным занятием персонифицированной водной стихии/водяницы/русалки (иногда водяного). Такое плескание имеет осознанный характер: стоило дедушке, ехавшему с рыбалки, перекреститься, и плески сразу же кончились, все затихло. Посредством подобных манипуляций со струями, приравненными к нитям-волосам (ср.: струи волос), водное божество творит судьбу, в том числе и ее завершающий этап. В результате мужчина, который как бы случайно здесь оказался, «не гораздо далёко» и отошел, «в воду кувырнулся и, гот, не выстал»⁴¹.

Прорицание, исходящее от мифического водяного существа, служит предпосылкой перехода индивида из земного бытия в водную запредельность, к тому самому началу, откуда все происходит и куда все возвращается. В этом свете неудивительно, что у так называемых первобытных народов долго сохранялись поверья, согласно которым случайно упавший в воду человек не должен из нее выбираться: если ему предназначено утонуть, то грешно пытаться спастись. По той же причине и другому нельзя спасать утопающего, иначе он вскоре утонет сам либо лишится удачи на рыбной ловле⁴². Об этом, между прочим, пишет в своем романе «Пират» Вальтер Скотт: разносчик Брейс отказывается помочь Мордаунту спасти матроса, тонущего после кораблекрушения: «Не с ума ли вы сошли? – говорит разносчик, – вы, так долго живший на Шотландских островах, хотите спасти утопающего?» Предполагается, что тонущий человек обречен: им завладеет сама вода либо обитающий в ней дух. И потому вырвать у них жертву из рук – это безрассудный вызов божеству, который вряд ли может остаться неотомщенным⁴³. В нашем случае это вызов мифическим распорядительницам судьбы, олицетворяющим первопричину трагического происшествия и даже саму смерть как проявление рока, предопределения, фатума. О тождестве осмысления *смерти* и *похищения* мифическими водяными существами, в данном случае ним-

фами, свидетельствует, в частности, надпись на гробнице пятилетней девочки: «Красой своею милое дитя, не смертью я, но наядами унесена (курсив наш. – Н.К.) из жизни»⁴⁴.

За редким исключением, мифическая женщина вод, исполняя приговор судьбы, лишена каких бы то ни было моральных качеств. В этом она уподобляется самой водной стихии, которая «абсолютно автономна, безразлична к богам, людям и истории». Баюкая себя в своей собственной зыби, она не ведает «ни о семенах, ею в себе несомых, ни о “формах”, потенциально в ней заложенных и ею периодически растворяемых», чтобы эти «формы», очистившись в водной стихии, могли вновь возродиться⁴⁵.

Детерминистские представления распространяются и на коллизии, с водой не связанные, хотя и предопределенные мифическими водяными существами. Так, например, один бедолага по пьянке замерзает на пути в поселок. В другой бывальщине последствием прорицания служит убыток в крестьянском хозяйстве. Предсказания же этих персонажей в сюжете «Год от году хуже» влекут за собой глобальные трагические события: «Перед войной, наверно, это было. Вот воевали-то долго и говорили: “Вот водяница кукнула, что мужиков тогда убили”»⁴⁶. Такая «водяница» в известном смысле сближается со скандинавскими валькириями, в руках которых и военный успех, и поражение. Они поспевают на поле битвы, забирают души убитых воинов и относят их в Вальгаллу. Впрочем, в одном из вариантов рассматриваемого сюжета повествование ограничивается констатацией факта, что тот год действительно был *плохим*, оставляя возможность для разных интерпретаций столь всеобъемлющей формулировки.

В отличие от рассматриваемой версии, где водное божество предсказывает/предопределяет судьбу в сущности по собственной инициативе, другая версия представлена в традиции гораздо слабее. Ее коллизия определяется вопросно-ответной формой. Так, донный, показавшись из «прорубы» в виде некой водно-волосатой фигуры (вода даже «в носу, в ушах»), на вопрос деда «Будет ли промысел?» отвечает утвердительно. И в доказательство правдивости его предсказания «столько заревело вокруг зверей, что страсть!»⁴⁷. Водная стихия, связанная с водным же волосатым божеством, осмысляется как средоточие силы и плодородия. (Заметим, что ответы на вопросы: «Каков год? Каков хлеб? Будет ли солдатчина? Будет ли в море рыба?» – подчас приписываются и духу-«хозяину» леса⁴⁸. Причем совершенно очевидно, что этот «хозяин» не только предсказывает, но и предопределяет обилие дичи. Так, расплачиваясь за четверть вина с лавочником, он как бы невзначай обронил: «”Си зиму много зверья буде у вас”. <...> И подлинно: столько зверья было, как никогда»⁴⁹.)

Прежде чем наделять даром пророчества водных божеств, архаическое мышление наделяет вещей способностью саму воду, осмысляемую в качестве первозданной стихии. В этой стихии, по народным верованиям, находятся все начала и концы сущего: «<...> воды символизируют первичную субстанцию, из которой рождаются все формы и в которую они возвращаются»⁵⁰. Причем если изначально персонифицировался и обожествлялся непосредственно водоем, то на высшей стадии развития подобных верований он больше не олицетворяется. Теперь этот водоем управляется духами, в нем обитающими⁵¹.

В дошедших до нас мифологических рассказах все еще продолжают сохраняться пережитки изначальных верований, когда предопределение/предвестие в виде звуковых знаков-символов исходит именно от воды/водоема. Например, «одна девка», по имени Паранья, ходила «слушать» на ручей, загадав при этом: «Выйду ли на сегодня году взамуж, так услышу колокольцы. А если что случится, так тако и услышу»⁵². Придя к ручью и припав к нему, она слышит мамин плач, сопровождаемый приговором: «Господарево дитятко! Господарево милое!». Прожив с той зимы

до сенокоса, девушка утонула. Оттого и слышался плач ее мамы. Характерно, что Плутарх, повествуя о древних германцах, пишет о «предсказании священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили...» (Цезарь. XIX). Гадали по журчанию ручья, по гулу водопада, речной стремнины. Причем река и выход к реке в древнегерманской традиции, безусловно, связаны с определением судьбы⁵³. Не случайно и в русской культуре столь значима ассоциация звуков течения воды с речью. Вспомним известные пушкинские стихи: «А как речь-то говорит, словно реченька журчит».

Особенно отчетливо пророческие функции воды, по народным верованиям, проявляются в мантических обрядах, связанных с этой природной стихией. В них предвестием служат уже сами по себе звуки воды. Так, например, вода, закапавшая в колодце, – верный знак скорого замужества, в противном случае – замужеству не бывать⁵⁴. Если же в проруби при соблюдении определенных, предусмотренных ритуалом, правил в полночь накануне Крещения заплещется вода, то гадающая сможет увидеть в ней лицо своего суженого. И даже вода, налитая в стакан, не лишается своего вещего дара. В одном из мифологических рассказов «знающий» старик, чтобы определить, кто виновник приключившейся с конкретным человеком порчи, смотрел в стакан – в воде показывался (и другие это видели) виновник портежа. В данном случае расхожее выражение «Как в воду глядел» приобретает свой буквальный смысл. Видение якобы было настолько реальным, что старик предлагал пострадавшему отомстить своему обидчику: «Если ты хочешь, чтобы у него глаз вытек, значит, тыкни пальцем воду туда, в стакан. И у него глаз вытекет, значит»⁵⁵.

Гадают также и по атрибутам, взятым из воды. Например, гадающие девушки берут определенным способом из речки или проруби вместе с водой камешки, а затем разглядывают их: если камешек черный, то и жених будет черный, если белый, то и жених белый, а если камень в крапинку, то жених будет рябой. Этот вынутый из речки камешек кладут на ночь в изголовье: кто приснится, тот и будет мужем гадающей⁵⁶. При этом камень представлен как эквивалент человека или, во всяком случае, как вместилище его души.

В других вариантах атрибуты, взятые вне воды, бросают на воду в расчете на ее способность посылать предвестия. В одной из бывальщин венки, который был брошен в реку (дело было в Семик) «на мать», потонул – и мать в том же году умерла. Или же девушки бросили на реку веники. И веник рассказчицы вместе с веником Маши Соколовой прибило к берегу, тогда как веники остальных девушек унесло водой далеко. В результате первые вышли замуж за своих парней, у других женихи оказались из дальних деревень. Знаковым атрибутом гадания посредством спуска в воду служили и нити: «Туды спускали в воду. Две ниточки заскут, одна дёржит и другая, потом спустя: “Если я за его выйду, дак, ниточки, соскитесь вместе”. А если не выйду, дак они не соскутся»⁵⁷. Или же на воду, принесенную из проруби и вылитую на сковороду, кладут клочок скрученной кудели, зажигая его. Если вода заколышется, закипит, свекровь будет злой. Вода же, которая останется спокойной, предвещает «мирную» свекровь. Причем и венки, и нить, и кудель связаны с идеей плетения, прядения, символизируя «нить жизни», человеческую судьбу⁵⁸. Так или иначе в обрядах и верованиях проявляются, хотя и с неизбежными мифологическими искажениями и привнесениями, пророческие свойства воды⁵⁹.

Вместе с тем в своих потенциальных возможностях моделировать и прогнозировать будущее вода и водные божества смыкаются с такими мифологическими персонажами как леший, домовый, дворовой, банник, хлевник, овинник и др. Из сказанного следует, что в образах этих прорицателей есть некая общая составляющая, обусловленная детерминистскими представлениями. И все же преобладающее положение в рассмат-

риваемых мифологических рассказах занимают водные божества, поскольку именно они изначально связаны с первозданными водами, из которых, согласно народным космологическим воззрениям, возникло все живое. Это они выступают в роли божеств судьбы, прорицательниц и устроительниц человеческого бытия. Впоследствии в одном типологическом ряду с ними закономерно оказывается и водяной, связанный с аналогичными женскими персонажами преемственно и функционально. В этом же ряду находятся и другие персонажи, некогда имевшие, но утратившие связь с водой, а подчас и не имевшие ее вовсе.

Относительно исконного смысла образов водного божества, в том числе и русалки/водяницы, есть разные точки зрения. Если мы обнаруживаем истоки этих образов прежде всего в персонификации самой воды, то акад. А.Н. Веселовский⁶⁰, а вслед за ним и его ученик Е.В. Аничков⁶¹ видели в русалках преимущественно воплощение душ умерших предков. Причем к разряду предков (*manes*) могли относиться и все умершие. Иначе говоря, культ предков здесь, как и во многих других случаях, совмещается с культом мертвых. Надо полагать, это и есть то общее, что лежит в конечном счете в основе различных образов предсказателей судьбы. В свете изложенной теории становится понятным, почему даром прорицания наделяются не только водяные мифические существа, но и духи-«хозяева» леса, дома, хозяйственных построек. Соотнесенность этих персонажей с мифическими предками – важнейшая (но не единственная!) составляющая в системе их образов. Однако в качестве мифических прорицателей в традиции продолжает оставаться и некая безличная судьбоносная сила («что-то есь»), неотделимая от природной стихии, и особенно водной. В процессе долгого бытования эта сила отчасти сливается с мифическими предками, начиная с тотемных. Но отчасти она удерживает за собой и присущие ей размытые признаки. Не поддающаяся идентификации, эта безличная сила может служить проявлением аниматизма в фольклорной традиции. Одним словом, каждый из предсказателей человеческой судьбы представляет собой сложное переплетение различных верований, определяющих специфику мифологического мировосприятия. Причем одни прорицатели так и остаются в водной стихии, другие временно выходят из воды, третьи утрачивают связь с ней, хотя и сохраняют рудиментарные акватические признаки. Некоторая общность их истоков проявляется, в частности, и в присущей этим персонажам функции прорицания. И потому каждое из названных мифических существ предопределяет, предвещает, предсказывает повороты судьбы, властвуя над жизнью индивида и социума. И тем не менее воде, как и персонифицирующим ее божествам, принадлежит главенствующая роль в моделировании, предопределении и предсказании человеческой судьбы. И потому акватической символикой столь устойчиво отмечены все поворотные моменты в жизненном цикле индивида – его рождение, свадьба, смерть.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Судьба // *Философская энциклопедия*: В 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 158–160.

Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. – СПб., 1889. – Вып. 5. – XI–XVII. – С. 260–286 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. 46. – № 6).

Власова М.Н. Сюжет о пророчестве // *Русский фольклор*: Материалы и исследования / отв. ред. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. – СПб.: Наука, 2004. – Т. XXXII. – С. 223–228.

Ганина Н.А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа // *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев*: Сб. статей / отв. ред. Т.А. Михайлова. – М.: Индрик, 2005. – С. 212–227.

Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев... – С. 12–22.

Карев В.М. Судьба // Мифы народов мира: В 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 471–474.

Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН, 1909. – Т. XIV, кн. 4. – С. 175–195; 1910. – Т. XV, кн. 1. – С. 105–147.

Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. – 632 с.

Криничная Н.А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. – 40 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира... – С. 169.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 415 с.

Михайлова Т.А. «Заговор на долгую жизнь»: к проблеме образов «дочерей моря» и «волн судьбы» в ирландской мифопоэтической традиции // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев... – С. 192–210.

Щукин Т.А. Судьба // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – С. 1217.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ.; отв. ред. В.Я. Петрухин. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.

¹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – № 179. – С. 56.

² Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). 73. № 131 (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – порядковый номер текста в ней).

³ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – № 173. – С. 55.

⁴ Криничная Н.А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995; Она же. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. – С. 463–493.

⁵ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – № 172. – С. 55.

⁶ Коробка Н. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН, 1909. – Т. XV. – Кн. 1. – С. 107.

⁷ См.: Власова М.Н. Сюжет о пророчестве // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. – Т. XXXII. – С. 223–228.

⁸ Михайлова Т.А. Ирландская банши и русская русалка // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М.: Индрик, 2005. – С. 235.

⁹ Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. – № 80. – С. 216.

¹⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – № 151. – С. 51.

¹¹ НА КарНЦ РАН. 142. № 624.

¹² Там же. 150. № 50.

¹³ Там же. 73. № 104.

¹⁴ Там же. 158. № 76.

¹⁵ Там же. 150. № 161.

¹⁶ Р-в Г. Народная легенда: (Письмо в редакцию) // Олонецкие губернские ведомости. – 1865. – № 9. – Часть неофициальная. – С. 136.

- ¹⁷ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ. – М.: Ладомир, 1999. – С. 197.
- ¹⁸ НА КарНЦ РАН. 151. № 237.
- ¹⁹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – С. 197.
- ²⁰ Цит. по: Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифология женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – С. 14.
- ²¹ Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 169.
- ²² Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1996. – С. 330.
- ²³ Ганина Н.А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа // Мифология женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – С. 223.
- ²⁴ Шукин Т.А. Судьба // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2008. – С. 1217.
- ²⁵ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – С. 241–242; Он же. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 472, 508–509.
- ²⁶ Аверинцев С.С. Судьба // Философская энциклопедия: В 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 158.
- ²⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1991. – Т. IV. – С. 356.
- ²⁸ Карев В.М. Судьба // Мифы народов мира: В 2-х т. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 471.
- ²⁹ Толстая С.М. Судьба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 370.
- ³⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – № 173. – С. 55.
- ³¹ Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А.А. Иванова. Котельнич: Вятский региональный Центр русской культуры, 1996. – № 61. – С. 25.
- ³² Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2008. – Вып. 28. – С. 272–273.
- ³³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Изд. 2-е. – М.: Прогресс, 1987. – Т. IV. – С. 794.
- ³⁴ Потебня А.А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подгот. текста и примеч. А.Л. Топоркова. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 474–475.
- ³⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1991. – Т. IV. – С. 103.
- ³⁶ НА КарНЦ РАН. 178. № 121.
- ³⁷ Там же. 133. № 131.
- ³⁸ Там же. 185. № 51.
- ³⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 15. – С. 87.
- ⁴⁰ Там же. – С. 88.
- ⁴¹ НА КарНЦ РАН. 185. № 51.
- ⁴² Тэйлор Э. Первобытная культура / пер. с англ. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. – С. 62–63.
- ⁴³ Там же. – С. 63.
- ⁴⁴ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – С. 198.
- ⁴⁵ Там же. – С. 198–199, 203.
- ⁴⁶ НА КарНЦ РАН. 23. № 64.
- ⁴⁷ Власова М.Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982–1988 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2004. – Т. XXXII. – С. 359.
- ⁴⁸ Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – № 240. – С. 314.
- ⁴⁹ Перетц В.Н. Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. – 1894. – Вып. 1. – С. 7.
- ⁵⁰ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – С. 183.
- ⁵¹ Тэйлор Э. Первобытная культура. – С. 425.
- ⁵² Вятский фольклор. Мифология. – № 345. – С. 99.
- ⁵³ Ганина Н.А. Норны: К генезису и ареальным параллелям образа. – С. 218, 220.
- ⁵⁴ Смирнов В. Народные гадания Костромского края (очерк и тексты) // Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края. – Кострома, 1927. – № 366. – С. 63; № 414. – С. 66 (Четвертый этнографический сборник. Вып. XLI).
- ⁵⁵ НА КарНЦ РАН. 191. № 29.

⁵⁶ Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерк и тексты). – № 230–231. – С. 55.

⁵⁷ НА КарНЦ РАН. 73. № 183.

⁵⁸ Криничная Н.А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – С. 18–23.

⁵⁹ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – С. 198.

⁶⁰ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. – СПб., 1889. – Вып. 5. – XI–XVII. – С. 260–286 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. 46. – № 6).

⁶¹ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. – СПб., 1903. – Ч. 1. – С. 303–304 (Сб. Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. – 1903. – Т. 74. – № 2).

Салмин А.К.

ИСТОРИЯ ЧУВАШЕЙ В СВЕТЕ ИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Аннотация. Религия есть прямое отражение традиционных воззрений народа на окружающий мир. В ней следует искать первопричины повседневного образа жизни. Она содержит в себе исконные основы ведения хозяйственно-культурного типа в прошлом и настоящем. В статье рассматриваются религиозные воззрения предков чувашей в VI–XVI вв. Системное рассмотрение темы проводится впервые.

Ключевые слова: исторические предки чувашей савиры/сувары, религия, Кавказ, Поволжье.

В целях усиления своего влияния Византия постоянно поддерживала отношения с народами Кавказа и охотно принимала их представителей на военную службу в качестве федератов и ауксильриев. Христианизация – мирный способ покорения племен. Еще епископ Григорис, первым возглавлявший Албанскую церковь в 330–337 гг., уделял христианизации кочевников исключительное внимание. Согласно источникам, миссия епископа Григориса не охватила гунно-савирские земли. В то время лидерами в политической жизни Восточного Кавказа были маскуты. Проповеди Григориса сильно не нравились кавказцам, и он по приказу маскутского царя был казнен в районе Дербента.

Одним из способов привлечения на военную службу была оплата воинам. «Воинов вербовали, оплачивали их на определенных условиях и так поступали как Византия, так и Иран»¹. В 515 г. предки чувашей – савиры – снова вторглись в византийские владения, на этот раз уже в Армении, Месопотамии и Малой Азии. Византийцы сумели провести глубинную разведку в гуннских землях. Их агенты достигли и далеких от Боспора кочевий гунно-савиров. Усердия византийской разведки не пропали даром. «Следствием этого явилось возникновение среди савиров сильной провизантийской группировки, во главе которой оказалась вдова предводителя савиров Боа»². Относительно подробная история, произошедшая с этой женщиной «из гуннов, именуемых савир», изложена Иоанном Никиусским и Феофаном Византийским. Событие датируется 520 годом. В те годы персы, возобновив войну против римлян, попросили гуннов дать им 20 тысяч воинов. Боарекс (*Boarex*, т.е. царица Боа) была женщиной исключительно мужественной и наделенной большой мудростью. Она была женой правителя Балаха (*Balach*). После смерти мужа она взяла всю полноту власти в свои руки. Имела правительница при себе 100000 гуннов. Двух других князей, представлявших «внутренних гуннов», звали Стиракс (*Styrax*) и Глонес (*Glones*). Оба были склонены царем Персии Кавадом в